
ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ БОЛЬШЕВИЗМ: ИДЕЙНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

*Воейков Михаил Гллариевич –
д.э.н., профессор, зав. сектором
Института экономики РАН*

Введение

В конце 80-х годов прошлого столетия в нашей обществоведческой литературе стала усиленно развиваться идея об альтернативности общественного развития или, как еще говорят, теория социальных альтернатив. Во многом это было инспирировано мыслью о том, что якобы после ленинского нэпа была выбрана неудачная модель, то есть силой был навязан сталинский казарменный социализм. А вот если бы был выбран курс социально-экономического развития, который, например, предлагал и развивал Н. И. Бухарин, то социализм был бы у нас хороший. Все это усиливалось или даже провоцировалось призывами к поиску нового «видения социализма» и т. п. Вспомним, что это было время горбачевской перестройки, время романтических надежд и веры в «социалистический выбор». Время это ушло, но проблема альтернатив осталась.

В этой связи появилась и стала в каком-то смысле модной концепция альтернативности (вариантности) социально-экономического развития. В истории всегда есть место альтернативам – утверждают такие авторы. Предполагается, что можно выбрать тот или иной курс общественного развития, и дело остается лишь за тем, как мы, люди сможем осознать то, что нам будет более подходящим, и сделаем правильный выбор. Следуя такой методологии сталинизм, например, объявлялся одним типом наблюдателей «плохим» вариантом развития, а бухаринизм «хорошим». Другой тип наблюдателей считал Октябрьскую революцию «плохим» вариантом общественного развития, а Февральскую «хорошим». Монархический тип наблюдателей вообще принимал Русскую революцию за отвратительный выбор истории. И так далее.

Эта проблематика альтернативности упирается или, в конечном счете, исходит из так называемого основного вопроса философии: противоречия между материализмом и идеализмом. Если стоять на точке зрения материализма, то ход истории определяется не произвольным выбором того или иного «сценария», «модели», а имеющимися налицо объективными (культурными и экономическими) обстоятельствами. Если же держаться альтернативности, то по необходимости придется перейти на позиции идеализма и повторять вслед за Л. Мизесом, что «разум и идеи определяют

жизнь человека»¹. Хотелось бы посмотреть на того человека, который живет в точной конфигурации со своими идеями! Однако теория альтернатив получила некоторую моду еще в СССР, где господствующей идеологией был вроде бы марксизм и материализм. В этой связи и представляется интересным рассмотреть: каким образом отечественные обществоведы пытались в рамках марксизма развивать теорию социально-экономических альтернатив.

Один из наиболее активных альтернативщиков оказался известный историк, академик П. В. Волобуев, который проблеме альтернативности посвятил целую книгу «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность». По мнению Волобуева, общество может свободно выбирать пути своего собственного развития, выбирать так, как видимо, считает нужным. Судите сами: «Под выбором пути общественного развития мы имеем в виду выбор каждой данной страной принципиально нового направления или типа ее социальной эволюции, а также существенно различных путей в уже определенном направлении (или вариантов, форм или стадий одного и того же порядка)».

И далее: «Именно в трудах В. И. Ленина, жившего в эпоху, когда линейный, однонаправленный процесс капиталистической эволюции сменился альтернативным и впервые в истории открылась реальная возможность социалистического выбора, концепция выбора путей получила глубокую разработку и обоснование»². И, наконец, центральная формула Волобуева: «Февральская буржуазно-демократическая революция, свергнув царизм, открыла перед Россией различные, в т. ч. альтернативные, возможности политического и социально-экономического развития. Вопрос встал так: пойдет ли она буржуазно-реформистским путем к капитализму, свободному от остатков феодализма, или пролетарски-революционным путем – к социализму?»³. Однако нигде и никогда Ленин не писал, что общество может произвольно выбрать исторический путь своего развития. Ленин был хорошим марксистом и понимал, что путь исторического развития определяется совокупностью объективных и субъективных условий, где, однако же, первые имеют преобладающее значение.

Справедливости ради скажем, что ссылка на Ленина у Волобуева была вполне объяснима. Ибо эта проблема встала перед Лениным как практическая задача развития революции. Ленин понимал, что сразу и просто построить социализм в слабо-развитой стране, какой была Россия в начале XX века, невозможно. Но Октябрьская революция 1917 г. в общем и целом трактовалась большевиками как пролетарская, социалистическая. То есть такая, которая по определению открывает прямой путь к

¹ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 374.

² Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., Политиздат, 1987, с. 10, 11.

³ Там же, с. 150.

социалистическому обществу. Перед большевиками и, прежде всего, Лениным встала дилемма: как согласовать скудость материальных условий для социализма и желание «строить социализм». По этому поводу Ленин, видимо, испытывал наибольшие теоретические трудности. Ведь согласно материалистическому пониманию истории, в отсталой стране можно «построить» отсталый капитализм, но никак не социализм⁴. Поэтому в каком-то смысле можно утверждать, что Ленин сделал выбор пути развития. Но если говорить более точно, то лучше сказать, что Ленин пытался сделать такой выбор, пытался найти теоретические основания для такого выбора. Но так ничего и не нашел. Ведь от того тоталитарного общества, которое создал Сталин и назвал социализмом, первым отказался бы сам Ленин.

Альтернативная трактовка Русской революции и путей послереволюционного развития очевидным образом льет воду на мельницу тех авторов, которые полагают, что во всех бедах России виноваты большевики. Что именно большевики навязали стране плохой путь развития, обманули народ и завели его в тупик сталинского социализма. А вот, мол, были бы большевики умнее, или не такими зловредными, или, того лучше, не было бы их совсем, Россия развивалась бы иным «альтернативным» путем, более благостным и пристойным. Конечно, такую альтернативу серьезные исследователи разделять не могут, в том числе и Волобуев. Но, встав один раз на скользкую дорожку альтернативности, неминуемо придется скатиться и к пошлому утверждению о том, что Русская революция вообще была заговором масонов и сионистов.

В последнее время стали появляться серьезные книги, где проблема альтернативности рассматривается более глубоко. Такова, например, книга Т. Крауса «Советский термидор». Автор возражает против упрощенной схемы альтернативности, когда считают, что человечество или конкретное общество свободно в своем выборе путей развития или в том, или в противоположном направлении. Как уже отмечалось, такой подход в общественной науке особенно стал популярен в конце 1980-х годов, когда полагали возможным выбрать из разных моделей социализма наиболее подходящую альтернативу. Но, как иронично замечает Т. Краус, проблематика альтернативности «возникла именно на том этапе развития, когда в рамках «социализма» в плоскости реальной политики альтернативы окончательно исчезли, и реальной политической альтернативой стала, так называемая, смена режима»⁵.

Автор показывает, что и в 1917 г. руководить движением масс как идеологически, так и организационно «оказались способными» только большевики. Более того, основываясь на архивных документах (Архив Института Гувера, США), автор приводит

⁴ См. подробнее: Воейков М. И. Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина. М., 2009.

⁵ Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота (1917-1929). Будапешт, 1997, с. 13.

утверждение известного меньшевика Ф. Дана, что и он не видел позитивной альтернативы большевикам. В книге подчеркивается и такой важный момент в проблематике «свободного» выбора исторических альтернатив, что «не большевики творили Октябрьскую революцию, а революционный процесс «творил» большевиков». Надо думать, это куда ближе к исторической истине, чем недавние утверждения советских историков, что большевики осуществили Октябрьскую революцию в строгом соответствии с марксистской теорией и намеченными партией планами. Автор цитирует неизвестное письмо Ю. Мартова от 25 октября 1918 г., где говорится, что «большевики лишь в крайне ограниченной степени контролируют сложившееся положение»⁶. Иными словами, можно утверждать вслед за Краусом, что в 1917 г. иного пути у России и большевиков не было, чем тот, которым они пошли. Конечно, иное дело – в каких исторических формах все это происходило, и эта проблема (то есть – проблема специфической исторической формы) составляет особую альтернативу.

Чтобы разобраться в этом вопросе детально, так сказать, на конкретном историческом материале, интересно проанализировать курс Н. Бухарина и выяснить, насколько же он был реальной альтернативой сталинскому курсу, и была ли вообще в 1920-х годах в России возможность альтернативного развития. Если углубить вопрос, то следует рассматривать не только Бухарина и Сталина, но и Троцкого, а также и Е. А. Преображенского как основного экономического идеолога определенной социально-экономической стратегии. К тому же основная полемика по поводу выбора стратегии была не между Троцким и Бухариным, а между последним и Преображенским. Довольно широко бытует мнение, что первые три деятеля отражали четко прослеживаемые три линии социально-экономического развития: правая (Бухарин), центристская (Сталин) и левая (Троцкий). Вопрос о противостоянии Троцкого и Бухарина как левого и правого уклона (или тенденции) в партии и в социально-экономическом развитии страны активно обсуждается в исторической и политической литературе. Расхожее мнение в этой связи гласит, что Троцкий и «левая оппозиция» были выразителями левого курса на ускоренные социалистические преобразования, а Бухарин (и его сторонники) – правого курса на медленное, постепенное социалистическое развитие. Сталин же с его группировкой олицетворял как бы центристскую стратегию, чуть ли не оптимальный путь социально-экономического развития. На мой взгляд, имеются достаточные исторические и теоретические основания усомниться в такой схеме.

Прежде всего, ошибочным является столкновение в исследовательской литературе Троцкого и Бухарина. Хотя ниже, как бы в противоречии с этим, будут параллельно проанализированы позиции того и другого, но пока оговорим следующее. Троцкий и Бухарин занимали в партии и в молодом советском государстве совершенно раз-

⁶ Там же, с. 30, 54.

ное, несопоставимое положение. Бухарин был прежде всего идеолог. Троцкий – крупнейший политический и государственный деятель, который, кроме прочего, оставил громадное и очень интересное литературное наследие. Роль и значение Троцкого и Бухарина в мировой социальной науке и в литературе также несопоставимы. Да и прямой полемики между ними почти не было. Троцкий не удостаивал Бухарина такой чести, Бухарин же критиковал больше троцкизм вообще, и то мимоходом. А вот Е. Преображенский как основной экономический идеолог троцкизма, т.е. особой социально-экономической стратегии развития, был непосредственной целью и главным героем неистовой полемики Бухарина. Преображенский отвечал ему тем же. Poleмика этих двух идеологов и отражала возможности сознательного выбора между альтернативными формами исторического развития. Однако, несмотря на очень глубокую и интересную полемику, которая нашей наукой почти не исследована, возможности этого выбора оказались крайне ограниченными.

Тут действительно может идти речь об идейных альтернативах, т.е. возможностях сознательного выбора стратегии развития, которая бы максимизировала экономический рост и минимизировала социальные издержки этого роста. Т.е. речь идет об альтернативах исторической формы развития.

Левое и правое в большевизме

Разграничение большевиков на правых и левых – дело крайне трудное. Чаще всего это следует делать с массой оговорок, а лучше вообще не делать. Ибо большевики как таковые в целом представляли собой левую тенденцию в российском демократическом (или социал-демократическом) движении. Конечно, в каждом отпочковывающемся направлении большого политического движения можно искать правую и левую стороны. Но это оправданно делать лишь тогда, когда отделившееся направление приобретает достаточный размах и, по существу, начинает занимать место породившего его движения, которое, в свою очередь, выдыхается, костенеет, перестает отвечать потребностям жизни. Как известно, расхождение между меньшевиками (как правыми) и большевиками (как левыми) началось после II съезда РСДРП в 1903 г. Но даже после раскола это была одна партия, с единой программой до марта 1919 года, с едиными идейно-теоретическими основами, едиными устремлениями, даже во многом едиными персоналиями. Большевики и меньшевики использовали одни и те же логические конструкции, одну лексику, опирались (или думали, что опирались) на одну и ту же социальную базу. Многие из них переходили из одного крыла в другое и обратно.

Большевики же в 1917 г. не имели исторической возможности превратиться в широкое движение, которое заняло бы все место российской социал-демократии. Этот процесс только начался с окончанием гражданской войны и переходом к нэпу. Тогда и началось размежевание, и то со многими оговорками, на правую и левую сторону в большевизме.

Дело в том, что с переходом к нэпу все остальные политические партии были запрещены, ликвидированы фракции в самой большевистской партии, но проблемы развития России и различное их понимание остались. И вот это разное понимание и различные трактовки сложнейших проблем послереволюционного устройства общества, которые раньше выражались через различные партии, сконцентрировались в одной партии и стали ее раскалывать на левое и правое крылья. В результате борьбы к середине 1920-х годов естественное развитие большевизма было прервано, а к их концу, надо думать, большевизм как самостоятельное идейно-политическое движение был закончен. Установилась довольно жесткая диктатура сначала очень узкого верхнего слоя руководителей партии, а потом только вождя, который все отличное от его собственной позиции объявлял вредительством.

Л. Троцкий и «левая оппозиция», конечно, представляли как бы левую сторону большевизма. Но при более внимательном рассмотрении видно, что этот «левый» эмбрион по существу не успел развиваться, не успел достаточно четко отмежеваться от правой стороны. Последняя при своем последовательном развитии неминуемо должна была бы перейти на политическую платформу другой партии, а именно меньшевиков. Однако это невозможно представить, учитывая персональный состав «правых». Да и «левые» не выступали против нэпа как такового, а «правые» в конце 20-х годов спокойно голосовали, за некоторым исключением, за социально-экономический курс, который несколько лет назад предлагали «левые».

Или возьмем центральный вопрос расхождения между послереволюционными большевиками: проблему строительства социализма в одной стране. Известно, что Троцкий и его сторонники выступали против такой возможности, считая, что Россия самостоятельно не может прийти к социализму. «Но, открыв зру социалистических преобразований, она может дать толчок социалистическому развитию Европы и таким образом прийти к социализму на буксире передовых стран», – писал Троцкий позднее⁷. Троцкий в данном случае держался в рамках классического марксизма, примиряя его с тем, что все же революция произошла в одной, слаборазвитой, стране, при помощи своей теории перманентной революции. Тем самым, Троцкий как бы озвучивал идейно-теоретические позиции меньшевизма внутри большевистской партии.

Однако с практической точки зрения объяснение Троцкого не могло удовлетворить партийную массу большевистской партии, которая искренне верила в то, что делала, то есть верила в строительство социализма в одной стране. Поэтому Сталин был прав, возражая Троцкому на XV конференции ВКП(б) в ноябре 1926 г.: «Без уверенности построить социализм не может быть воли к строительству социализма. Кому охота строить, зная, что не построить? Отсутствие социалистических перспек-

⁷ Троцкий Л. История русской революции. Т. 2, ч. 2. М., 1997, с. 383.

тив нашего строительства ведет поэтому к ослаблению воли пролетариата к этому строительству неминуемо и безусловно». Эту мысль он развил как теоретическую концепцию в следующих словах: «Итак, мы имеем, таким образом, две линии в основном вопросе о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране, о возможности победы социалистических элементов нашего хозяйства над элементами капиталистическими, ибо, товарищи, возможность победы социализма в нашей стране означает не что иное, как возможность победы социалистических элементов нашего хозяйства над элементами капиталистическими, – линию Ленина и ленинизма, во-первых, и линию Троцкого и троцкизма, во-вторых. Ленинизм решает эти вопросы положительно. Троцкизм, наоборот, отрицает возможность победы социализма в нашей стране на основе внутренних сил нашей революции»⁸. Таким образом, Сталиным была развита теория строительства социализма в отдельной стране как прагматическое объяснение того, что можно было делать. Все это дало Сталину возможность обвинять Троцкого в меньшевизме⁹. Меньшевизм, как известно, представлял собой правое крыло в российской социал-демократии. Следовательно, Троцкий и троцкизм, согласно Сталину, есть правое течение. Это и подтверждает дискуссия вокруг проблемы социализма в отдельно взятой стране. Но в этой проблеме есть еще один нюанс. Если бы действительно возможно было создать социалистическое общество в одной стране, которая блистала бы таким образом в капиталистическом окружении, то это, несомненно, была бы левая стратегия и позиция. Но на самом деле это невозможно, что и показала историческая практика. Сталин под названием «социализм» создал мощное национальное государство, где в реальности, имплицитно господствовали буржуазные ценности. Несмотря на социалистическую фразеологию, это была правая позиция. Это и давало основания Троцкому именовать Сталина и его сторонников правой фракцией.

К сожалению, деление на правых и левых, которое обычно проводит в нашей литературе, для первой половины 20-х годов в данном случае не подходит. Конфигурация была сложнее. Были, конечно, правые большевики, которые выступали за приоритет рыночных начал, отодвигая создание плановой системы на неопределенно долгий срок. К ним можно отнести Бухарина, Рыкова, Сокольникова, Пятакова и др. Были и левые большевики, которые довольно резко выступали за необходимость почти немедленного введения планового, социалистического хозяйства, под которым они понимали с теми или иными оговорками натуральное хозяйство. К таким большевистским идеологам можно отнести Ларина, Осинского, Крицмана и др. Но эти идеологи, что называется, погоды не делали и, хотя много мешали, не они были основными оппонентами правых. Следует выделить особую группу большевистских идеологов, которые занимали как бы центристскую позицию в этой схеме, т.е., не

⁸ Сталин И. В. Соч. Т. 8. М., 1953. С. 280, 261–262.

⁹ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 6. М., 1947. С. 378–379.

отрицая неизбежности товарного производства и рыночных начал хозяйства, упор все же делали на создание крупной промышленности. Обычно эту группу называют троцкистской, но это не совсем точно. Действительно, сюда можно отнести как самого Троцкого, так и его ближайших единомышленников Преображенского, Смирнова и др., но также и некоторых нетроцкистов.

Вот, если брать самое начало 1920-х годов (вплоть до декабря 1925 г.), то здесь действительно можно обнаружить в какой-то степени зарождение в большевистской среде правых, левых и центристов. Иными словами, размежевание на правых и левых в большевизме вполне могло бы осуществиться, если бы большевизм получил определенное историческое время для своего развития. Видимо, прав украинский исследователь этого вопроса В. И. Семененко, когда он пишет: «Сегодня очевидно, что деление так называемых оппозиционных групп на «правых» и «левых», принятое в советской историографии, крайне неточно. Речь может идти об альтернативных платформах, которые различались степенью глубины классового анализа, границами применимости рыночных и планово-централизованных методов управления хозяйством, пониманием роли партии как авангарда общества, трактовкой соотношения демократии и централизма и т. п.»¹⁰. Исследователи деятельности А. Рыкова, который считался «правым большевиком», также пишут на этот счет: «Во взглядах «правых» не было правой оппозиции или уклона не только по организационным причинам, но, как ни горько это признавать, принципиального расхождения программ»¹¹. И в самом деле, все эти нюансы (к сожалению, впоследствии ставшие трагическими) были только нюансами одной леворадикальной политической линии, с большей или меньшей долей прагматизма.

Деление на «правых» и «левых» в отечественной историографии, думается, спровоцировано собственными заявлениями в основном участников «левой оппозиции». Они обычно называли себя «левыми», а группу Сталина – Бухарина «правыми». Но последние нигде не называли себя «правыми», хотя Троцкого называли и левым, и правым (в основном после середины 1920-х гг.). В этих условиях, когда деление на правых и левых не имело сущностной базы и было, скорее, фразеологическим, возможны были и такие неологизмы, как «право-левацкий блок» (группа Сырцова – Ломинадзе).

Политический спектр в то время был очень тесен: шаг вправо от большевизма – левый меньшевизм (меньшевики-интернационалисты), шаг влево – левые эсеры или анархо-синдикалисты. Тем более, что многие видные большевики по конкретным

¹⁰ Семененко В. И. В трудных поисках истины: по страницам советской и зарубежной литературы о Л. Д. Троцком и «троцкизме». Харьков: «Основа», 1991, с. 32.

¹¹ Клименко А. В., Радаев В. В. Предисловие. // В кн.: Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990, с. 35.

вопросам в то или иное время занимали различные позиции, которые никак не выстраивались в какую-то одну политическую линию внутри большевизма. Особенно это характерно для Н. Бухарина.

Так, хорошо известна позиция Бухарина как лидера именно «левых коммунистов» во время Брестского мира, наиболее яркого теоретика «военного коммунизма», почти последним из видных большевиков признавшего нэп. Хотя почему-то в общественном сознании утвердился миф о Бухарине как о правом большевике. Это, видимо, во многом было вызвано научно-политической конъюнктурой периода горбачевской перестройки; сегодня это представляется довольно искусственным. Отметим, что, если бы идеологи и публицисты периода перестройки читали Карла Радека, то они не могли бы пройти мимо такого очень характерного его изречения: «Николай Бухарин «левый» в глубине души, даже когда он «правый»»¹².

Более прав, думается, историк Д. О. Чураков в следующих словах: «Безусловно, правый большевизм 1920-х гг. неразрывно связан с именем Бухарина. Но это не вся истина об этом человеке. Нельзя серьезно писать о Бухарине и забывать, что он стоял у истоков уникального, до сих пор должным образом не исследованного течения внутри большевизма, а именно – левого коммунизма. Пока роль Бухарина как одного из основоположников левого коммунизма не будет понята, говорить о полном возвращении Бухарина в историю России просто невозможно»¹³. До сих пор в истории одни мифы сменяются другими, и очень трудно пробиваться к пониманию реального исторического процесса. Трудно, но надо.

Любопытно в этой связи то, что в начале горбачевской перестройки ее «прорабы» искали аналогии с курсом Бухарина, сближая Троцкого со Сталиным. Как показывает простое чтение первоисточников, чем, понятное дело, «прорабы» не увлекались, нет ничего более ошибочного – отождествлять Троцкого и Сталина и противопоставлять им Бухарина. Скорее наоборот: Бухарина следует отождествлять со Сталиным почти на весь период 20-х годов, конечно, с целым рядом оговорок, и им противопоставлять Троцкого как более последовательного марксиста-социалиста. Идеиная позиция Троцкого почти всегда была постоянной, чего никак нельзя сказать о Бухарине.

До 1929 г. Бухарин, будучи вместе со Сталиным, писал и говорил резко отличные от Троцкого вещи, хотя и не выглядел банальной подпевалой Сталина. Но уже в 1929 г. Бухарин начал менять, как всегда с опозданием, свои политические ориентиры. Тому пример – выступление Бухарина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 18 апреля 1929 г., которое некоторые авторы трактуют как «одно из наиболее

¹² Цит. по: Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992, с. 162.

¹³ Чураков Д. Бухарин и трагедия левого коммунизма // Альтернативы, 1997, № 4. С. 95.

ярких его выступлений конца 20-х годов»¹⁴. В самом деле, это было, видимо, одно из последних выступлений Бухарина, когда он еще не был деморализован сталинской партийной машиной пропаганды и демагогии. Бухарин здесь пытается отбиваться от частично несправедливых обвинений в свой адрес, с одной стороны, и также пытается предотвратить практику чрезвычайных мер в сельскохозяйственном производстве, с другой. И, тем не менее, тут читаем: «Разве можно, например, выставять обвинение против нас, что мы якобы против индустриализации, против взятых темпов? Сколько раз нужно сказать, что мы за индустриализацию, что мы за взятые темпы, что мы за представленный план?... Сколько раз нужно сказать, что мы за колхозы, что мы за совхозы, что мы за великую реконструкцию, что мы за решительную борьбу против кулака, чтобы перестали на нас взводить поклепы?»¹⁵ Фактически эта речь мало чем по своей сути отличается от взглядов Троцкого, но только сказано все это с опозданием на 5–6 лет.

Ну, а после 1929 г. выступления Бухарина и других представителей «правых» уже мало чем отличаются от творений Сталина. Например, А. Рыков говорил в 1929 г.: «Обострение классовой борьбы происходит и в деревне, и в городе. Увеличение, например, за последние годы вредительства со стороны некоторых групп специалистов, некоторые выступления на почве религиозных верований и т. д. – все это идет по одной линии – по линии обострения классовой борьбы. Во всем этом выражается объединение усилий всех противников построения социализма, выражается правая опасность, буржуазная опасность в нашей стране»¹⁶.

Теперь определимся со Сталиным. Иногда считают, что линия Сталина представляла какую-то особую социально-экономическую тенденцию, теоретически продуманную и сознательно выработанную центристскую политическую линию. Например, крупнейший западный марксист Эрнест Мандель пишет: «Существовало всего три политических направления в коммунистической партии в период с 1923 по 1934 годы... Линия Сталина была основана на насильственной коллективизации сельского хозяйства, сверхиндустриализации за счет рабочих и крестьян и планирования (точнее сказать, полупланирования) сверхцентрализованного и сверхнепропорционального. Линия Бухарина была основана на мирном сосуществовании частной и обобщенной экономики, причем предполагалось, что первая будет снабжать вторую, которая не будет слишком распространена. Линия оппозиции предполагала более быстрое разрастание обобщественного сектора, чем проект Бухарина, но менее быстрое, а главное – более сбалансированное, чем в линии Сталина, с сокращением непроизводственных расходов на бюрократию и улучшением уровня жизни рабочих и

¹⁴ Наумов В. П. Возвращение к правде. // В кн.: Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990, с. 59.

¹⁵ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989, с. 273.

¹⁶ Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990, с. 470–471.

трудовых крестьян»¹⁷. Таким образом, у Э. Манделя получается, что Троцкий и «левая оппозиция» представляли как бы центристскую линию, а сталинисты крайне левую. Внешне Э. Мандель прав, если брать узкий период конца 1920-х – начала 1930-х годов. И подход Э. Манделя много правильнее, чем бытующее в нашей литературе деление большевизма на три направления «ленинизм раскололся на три течения: троцкизм, бухаринизм и сталинизм»¹⁸, причем имеется в виду, что троцкизм олицетворял собой левое течение, бухаринизм – правое, а сталинизм – центр.

Но все это совершенно не отражает существа дела. Сталин, как всегда, исходил не из теоретических или политических принципов, а преследовал свои личные интересы, скрещенные с эмпирической необходимостью. Поэтому он всегда оказывался на разных крайних позициях, но всегда в самой примитивной, карикатурной форме. Естественно, что, переходя от правой линии к левой и обратно, Сталин на какое-то время оказывался в центристской позиции, но это ничего не значило. Политическая позиция Сталина определялась не теоретическими соображениями или принципами, а конъюнктурой момента в борьбе за сохранение своей собственной власти. Последнее он отождествлял с социализмом, чему многие люди верят до сих пор. Поэтому в большевизме после смерти Ленина (или ленинизме) никаких трех направлений или политических тенденций не было. Можно говорить только о двух направлениях: то, что осталось от большевизма и выражалось в троцкизме, и собственно сталинизм.

Вопрос о расколе или, лучше сказать, разветвлении ленинизма на два направления (троцкизм и сталинизм) достаточно сложный и серьезный. Действительно, на месте ленинизма как в теории, так и на практике (со многими оговорками) образовалось два течения. Однако теория и практика в данном случае оказались перекошенными. Сталинизм больше опирался на практическую конъюнктуру (и всегда с опозданием), выдергивая при этом из различных теорий те куски, которые лучшим образом в данный момент обслуживали эмпирическую необходимость. Причем сталинизм, как правило, имел в виду не столько жизненную реальность, сколько практику сохранения монопольного положения партийной бюрократии, и прежде всего ее вождя. Троцкизм в значительно большей мере был теоретическим течением, в большей мере следовал творческому марксизму, глубже понимал практику жизни. Сталинизм и троцкизм отталкивались от разных практик или, лучше сказать, от разных аспектов практики, по-разному используя одну и ту же теорию – марксизм.

Сталинизм представлял отчасти догматизированный, отчасти (в большей мере) вульгаризированный марксизм. В практике сталинизм все дело сводил к удержанию монополии одной партии, а затем уже монополии одной группы лиц на власть. Троцкизм также не был чужд догме марксизма, но цели марксизма он не вульгаризировал

¹⁷ Мандель Э. Экономическая альтернатива. // «Интер-взгляд», 1991, № 1. С. 8-9.

¹⁸ См.: Альтернативы, 1995, № 3. С. 112.

и практику понимал в духе творческого марксизма: экономическое развитие на основе советской демократии и гуманизма.

Представлял ли бухаринизм среди этих двух направлений что-то особое, принципиально отличное? Конечно, можно выделять Бухарина и его сторонников периода середины и конца 1920-х годов как некое правое течение в партии и в социально-экономическом развитии. Об этом говорят многие авторы, и прежде всего сам Сталин. Но реальных фактов для такой операции очень и очень мало.

При более детальном рассмотрении этого вопроса заметим, что «линия» Сталина до 1928 г. ничем и никак не отличалась от «линии» Бухарина, т. е., по сути дела, ее вовсе не было. А после 1929 г. «линия» Сталина представляла собой просто карикатурное выражение линии «левой оппозиции». К тому же Бухарин со своей «линией» через пару лет прочно слился с линией Сталина. У Сталина не было собственной принципиальной «линии» в трактовке социалистического развития страны. Скорее всего, он имел лишь собственные представления о том, как удержаться у власти, отождествляя себя с партией, пролетариатом, но не более того. Это хорошо стал понимать в конце 1920-х годов и сам Бухарин. В сохранившейся записи разговора Л. Каменева с Бухариным 11 июля 1928 г. приводятся такие слова последнего: «Я со Сталиным несколько недель не разговариваю. Это беспринципный интриган, который все подчиняет своей власти. Меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать...»¹⁹.

Таким образом, никак нельзя представить Сталина центристом. Нет для этого достаточно весомых данных. Трактовка Сталина как центриста иногда провоцируется высказываниями ведущих деятелей «левой оппозиции», и прежде всего Троцкого. Например, в 1928 г. он писал: «Так, обслуживая Сталина, Бухарин стал теоретически питать правую группировку, тогда как Сталин оставался практиком центристских зигзагов»²⁰. Но если подойти к этому вопросу менее эмоционально, чем это по понятным причинам свойственно Троцкому, то центризма как серьезной политической линии у Сталина обнаружить невозможно. Прежде всего, блестящая фраза Троцкого о «центристских зигзагах» Сталина – все-таки пустая фраза. Ибо зигзаг может быть или вправо, или влево, то есть Сталин постоянно перескакивал слева направо и обратно. Но это уже никак нельзя воспринимать как центризм. Далее, до 1929 г. Сталин отличался от Бухарина лишь в силу своей большей осторожности или трусливости, а после 1929 г. отличался уже от Троцкого сверхлевизной. Где же тут центризм?

Для примера проанализируем собственные рассуждения Сталина, направленные против «правого» и «левого» уклонов. Сталин спрашивает: «В чем состоит опасность правого, откровенно оппортунистического уклона в нашей партии? В том, что он не-

¹⁹ Цит. по: Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992, с. 254.

²⁰ Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. М.: Спартаковец, Принтима, 1993. С. 307.

дооценивает... силу капитализма,... требуя снижения темпа развития нашей индустрии, требуя облегчения для капиталистических элементов деревни и города, требуя отодвигания на задний план вопроса о колхозах и совхозах...». Теперь рассмотрим, как Сталин излагает опасность «левого» (троцкистского) уклона: «В том, что он переоценивает силу наших врагов, силу капитализма... «Левый» уклон делает тот неправильный вывод, что в СССР невозможно вообще построить социализм, что с крестьянством ничего не выйдет,... что если не будет принят фантастический план сверхиндустриализации..., то надо считать дело социализма в СССР погибшим»²¹. Я эти цитаты освободил, насколько было можно, от бесконечных деепричастных оборотов, прилагательных, повторов; и оставил лишь то, что можно принять за что-то существенное. Если отбросить явную демагогию типа, что правые недооценивают силу капитализма, а левые переоценивают ту же самую силу, когда совершенно невозможно отыскать, кроме, конечно, личных указаний вождя, четкий критерий между этими «недооценивают» и «переоценивают», то в результате остается, что правые за низкие темпы индустриализации, а левые за сверхвысокие. Но разве когда-либо и где-либо конкретное значение темпа роста промышленности могло служить критерием деления политических сил на правых и левых? Тем более, что вскоре сам Сталин намного перекрыл левых в прожектах темпов индустриализации. На этот счет верно пишет венгерский историк Т. Краус: «Троцкий, а вслед за ним и другие оппозиционеры плохо поняли Сталина и суть сталинского феномена. Это проявилось уже в том, что они механически подвели этот феномен под понятие «центризм». Между тем, такой «изм» никогда не существовал ни в смысле теоретических, ни в смысле актуально-политических принципов. Не сложился «центризм» и под руководством Сталина. Он существовал скорее в рассуждениях оппозиционеров, нежели в действительности»²².

Характерно и очень показательно, что уже в 1934 г. в докладе на XVII съезде партии сам же Сталин взял да объединил левых и правых. Вот что он говорил: «Мы всегда заявляли, что «левые» – это те же правые, маскирующие свою правизну левыми фразами... Возьмите прошлогодние номера троцкистского «Бюллетеня». Чего требуют и о чем пишут там господа троцкисты, в чем выражается их «левая» программа? Они требуют: роспуска совхозов, как нерентабельных, роспуска большей части колхозов, как дутых, отказа от политики ликвидации кулачества, возврата к концессионной политике и сдачи в концессию целого ряда наших предприятий, как нерентабельных. Вот вам программа презренных трусов и капитулянтов, контрреволюционная программа восстановления капитализма в СССР! Чем она отличается от про-

²¹ Сталин И. В. Соч. Т. 11. М., 1949. С. 231–232.

²² Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. Будапешт, 1997. С. 209.

граммы крайних правых? Ясно, что ничем»²³. Вот здесь по сути дела Сталин был прав: после 1929 г. у правых (Бухарин) почти не было принципиальных разногласий относительно экономической политики с левыми (Троцкий). Основные и принципиальные разногласия у тех и других были со Сталиным. Тот действительно создавал «дутые» колхозы, нерентабельные совхозы и промышленные предприятия, репрессировал не только «кулачество», но и всю ленинскую партию большевиков, творческую и честную интеллигенцию, вырезал руководящий состав Красной армии, вогнал народ в нищету – и все это назвал построением социализма. Такой «социализм» мог построить любой контрреволюционер типа Л. Корнилова или Колчака, если бы им удалось их усилия в достижении бесспорно правой альтернативы социально-экономического развития. Так что линия Сталина очень похожа на политическую линию этих сугубо правых деятелей.

Политический центризм в принципе не то, чем занимался Сталин. Политический центризм не агрессивен, мягок, эластичен. Он может допускать компромиссы, смягчение или сближение крайних позиций, сбалансированность. В любом случае, это не есть арифметическая средняя в темпах экономического роста. Линию Сталина, пожалуй, можно определить как эмпирическое следование прагматической необходимости сохранения власти бюрократии, правда, с перекосами и издержками, обусловленными малокультурным уровнем этой бюрократии и дикой личностью самого Сталина. Сталин оказывался формальным центристом в силу простого стечения обстоятельств. Центристский курс всегда более удобный, всегда получается сам собой, всегда прагматичен. Поэтому говорить о какой-то «линии Сталина» с научной точки зрения не приходится. Тот же Троцкий отмечал «грубоэмпирический характер сталинской политики»²⁴, что не дает оснований трактовать эту политику как идейно и сознательно вырабатываемую.

Не приходится серьезно говорить и о «правой линии» Бухарина. Какое-то время – в середине и второй половине 1920-х годов – он действительно порой высказывался за развитие частного оборота и, стало быть, товарно-рыночных отношений в деревне. Но эти его высказывания нельзя воспринимать в качестве принципиальной правой установки. Ибо в этом случае он должен был бы перейти на идейные позиции меньшевиков и социал-демократов вообще. Однако в это же время он продолжал громить европейских социал-демократов и троцкистов, обвиняя последних как раз в меньшевизме.

²³ Сталин И. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 363.

²⁴ Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. М.: Спартаковец, Принтима, 1993. С. 303.

Троцкий и Бухарин: иллюзия альтернатив

Однако «линия Бухарина» как альтернатива левой оппозиции – это, конечно, серьезная проблема. При первом рассмотрении как будто все правильно: Бухарин – это правая тенденция в социалистическом развитии России, Троцкий – левая. Но это только на первый взгляд, а потому и поверхностный. Ведь что такое правый коммунизм? По сути дела он почти ничем не отличается от левого крыла меньшевиков, скажем мартовцев. Однако Бухарин никогда не был меньшевиком, никогда даже близко к ним не подходил. Более того, Бухарина до середины 1920-х годов, как правило, называют лидером левого большевизма.

Другое дело – Троцкий, который продолжительное время был с меньшевиками очень близок. Собственно, большевиком Троцкий стал лишь в период революции и гражданской войны, когда надо было действовать, а не рассуждать. Давление практической необходимости сделало Троцкого большевиком. После же 1921 г. он так же, как и все, даже первым из всех, выступает за рынок и постепенную социализацию экономики. Бухарин же как раз был замечен как практик и даже теоретик левого коммунизма в период Брестского мира и до самого нэпа. Разница между Троцким и Бухариным в период 1923–1929 гг. состояла лишь в том, что первый предлагал сознательно и активно проводить социализацию, а второй полагался на самотек. «Я себе представлял, что все пойдет самотеком благодаря тому, что у нас имеются социалистические рычаги воздействия, отсюда и известная теория «врастания», – заявлял Бухарин на своей собственной «партийной чистке» в 1933 г.²⁵ А уже после 1929 г. принципиальной разницы в теоретических позициях между Троцким и Бухариным по существу не было.

Это в общем и целом признается в специальной литературе. Так, Э. Мандель писал: «...В 1929–32 гг. между Бухариным и Троцким уже почти не было разногласий по отношению к насильственной коллективизации, а также относительно темпов и форм индустриализации»²⁶.

И еще один вопрос о личных взаимоотношениях Троцкого и Бухарина. Конечно, Троцкий был старше Бухарина, и не только по возрасту, но и по положению в революции и партии. Сам Троцкий пишет о Бухарине, что тот любил прилепляться к кому-нибудь и ему следовать. Таковы, наверное, были взаимоотношения Троцкого и Бухарина в Америке. Известно также, что во время оппозиции Троцкий какое-то время снисходительно отнесся к попытке Бухарина пойти на союз. Однако из этого ничего не вышло именно по вине Бухарина. И именно этот эпизод дал основания Троцкому назвать Бухарина «Коля-балаболкин». Бухарин не обладал железной волей Троцко-

²⁵ Вопросы истории КПСС, 1991, № 3. С. 46.

²⁶ Мандель Э. Бюрократия и альтернативы экономической политики (трагедия Н. И. Бухарина). Б.м. и б.г. С. 19. См. также: Moshe Lewin. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates. Pluto Press, 1975. P. 70–71.

го, порой впадал в растерянность, даже плаксивые истерики. М. Кун замечает, что Бухарин «как всегда в кризисные минуты своей жизни терялся»²⁷.

С другой стороны, можно отметить, что Бухарин никогда и нигде не относился к Троцкому с жесткой неприязнью, как это было одно время свойственно Ленину и тем более Сталину и наиболее оголтелым его подручным. Даже в полемике с Троцким и троцкизмом времен «левой оппозиции» Бухарин выделялся среди других полемистов более лояльным, корректным отношением к Троцкому. Можно, например, привести такое наблюдение одного партийца времен «литературной дискуссии» 1924 года: «На губконференции Тулы я слушал доклад т. Бухарина и из его доклада по поводу Троцкого видно, что он, Бухарин, Троцкому симпатизирует. Это доказано тем, что о поступках Троцкого уж очень выражается мягко по сравнению с докладами Каменева, Сталина и вообще с газетными сведениями. По Бухарину выходит, что тут ничего нет преступного в его «ошибках Октября»²⁸. Известен также эпизод обсуждения на Политбюро в 1929 г. судьбы Троцкого, где Бухарин яростно негодовал против предложения расстрела²⁹. Таким образом, можно заключить, что личные отношения между Троцким и Бухариным не были яростно враждебными и непримиримыми. Скорее, здесь чувствовались отношения раздосадованного учителя (Троцкого) и ученика.

Вообще тема о том, как Бухарина возвели в героя борьбы со сталинизмом и, в частности, о его якобы альтернативном экономическом курсе весьма интересна и требует особого разговора³⁰. Апелляция к авторитету Бухарина была выгодна фундаторам горбачевской перестройки как наиболее ярким представителям номенклатурной бюрократии. Ибо Бухарин, так же, как первоначально и Горбачев, не стремился к демократизации партии, не выступал против сохранения монополии на власть узкого бюрократического слоя. Об этом, например, свидетельствует письмо

²⁷ Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992. С. 90–91.

²⁸ См.: Известия ЦК КПСС, 1991, № 7. С. 166, 168.

²⁹ Семенов В. И. В трудных поисках истины: по страницам советской и зарубежной литературы о Л. Д. Троцком и «троцкизме». Харьков: «Основа», 1991. С. 114.

³⁰ Начало такого серьезного разговора можно, пожалуй, обнаружить в следующих работах: Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине: Революция, История, Личность. М., 1989; Чураков Д. Бухарин и трагедия левого коммунизма. // Альтернативы, 1997, № 4; Гловели Г. Д. Академик Н. И. Бухарин. // В сб.: Академики-экономисты России. М.: ИЭ РАН, 1999 С. 27-46 и др. В первой работе, в частности указывается: «В «бухаринскую альтернативу» можно выдвигать на первый план различные высказывания Бухарина: то предложение им жестких средств выработки человеческого материала и обещание неизбежности долгого периода разрухи по дороге социалистического строительства, то мысль о «черепаших темпах» при движении к социализму, то заявление о важности кооперации, то призывы к партизанской войне» (Емельянов Ю. В. Указ. соч. С. 87).

Н. Бухарина «Будущему поколению руководителей партии». Ведь это обращение было не просто к людям, не просто к членам партии, а именно к «руководителям», то есть к партийным бюрократам.

Еще один примечательный факт. Во время дискуссии с оппозицией Бухарин публикует 7 октября 1926 г. в «Правде» статью под названием «Почему партия выступает против дискуссий?». И там можно прочесть следующее. «Дискуссия недопустима», – писал считающийся почему-то в наши дни одним из столпов политического плюрализма Бухарин [выделенные слова принадлежат М. Куну – М.В.], – «недопустима потому, что это может поколебать основы диктатуры пролетариата, единство и руководящую роль партии в стране. Дискуссия льет воду на мельницу тех групп и группок, которые жаждут политической демократии»³¹. Троцкий, напротив, вообще не мыслит «диктатуры пролетариата» без дискуссии внутри партии пролетариата, а Бухарин, отвергая дискуссии, тем самым «диктатуру пролетариата» сводил просто к диктатуре, хотел он сам того или нет.

Конечно, фигура Николая Ивановича Бухарина смотрится приятней и обаятельней Троцкого. Милый и симпатичный человек, «Бухарчик», как с любовью его иногда называл Ленин. Но мог ли он быть политическим лидером? На этот вопрос помогает ответить такая характеристика Бухарина, зафиксированная в известной платформе М. Рютина: «Как политический вождь он оказался ниже всякой критики. Умный, но не дальновидный человек, честный, но бесхарактерный, быстро впадающий в панику, растерянность и протрацию, не способный на серьезную и длительную политическую борьбу с серьезным политическим противником, легко поддающийся запугиванию; то увлекающийся массами, то разочаровывающийся в них, не умеющий организовать партийные массы и руководить ими, а наоборот, сам нуждающийся в постоянном и бдительном руководстве со стороны других – таков Бухарин как политический вождь»³². По всей видимости, он несколько более других был увлекающимся теоретиком и пропагандистом и несколько запаздывал в пересмотре своих воззрений вслед за «крутыми поворотами» неизменной линии партии. Это подтверждает его более поздний выход из состояния «левого коммунизма», более позднее вступление в «рыночники» и, естественно, более позднее освоение нового сталинского загиба. Более того, кто тянул за язык Бухарина, когда на своей «чистке» в 1933 г. он заявлял, например, следующее: «Я здесь повторяю – выработка генеральной линии и оперативное проведение разгрома оппозиции, мобилизация партийных масс и рабочего класса, правильная линия в Коминтерне, совершенно блестящая линия в области внешней политики – это заслуга нашего руководства, которое сложилось в битвах на оба фланга, лично тов. Сталина... Так что я должен сказать, что Сталина можно счи-

³¹ Цит. по: Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992.

³² Рютин М. Н. На колени не встану. М.: Политиздат, 1992. С. 182–183.

тать идейным фельдмаршалом революционных сил в нашей стране»³³. Какие-либо комментарии здесь, думается, излишни.

Конечно, насколько серьезно и добровольно Бухарин стал обосновывать и славословить сталинский зигзаг в 30-х годах – требует более углубленного прояснения. Ибо, если все это делалось искренне, то разом рухнет светлый образ теоретика. Но если даже этот вопрос оставить в стороне, то Бухарин как самостоятельный теоретик (и тем более – теоретик особого пути социально-экономического развития страны) не набирает требуемого количества литературного материала.

Возьмем для примера работу Н. И. Бухарина «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», написанную уже во время укрепления нэпа, в его, так сказать, развитой период. И что же эта работа? Это та же самая леворадикальная или левореволюционная концепция социализма, мало чем отличающаяся от ленинских работ донэповского периода (например, «Очередных задач Советской власти») и полностью находящаяся в рамках классического марксизма по этому вопросу. Вот один из многих примеров: «В конце концов», – пишет Н. И. Бухарин, – «развитие рыночных отношений уничтожает само себя, потому что, поскольку на почве этих рыночных отношений с их куплей-продажей, деньгами, кредитом, биржей и т. д., и т. п. государственная промышленность и кооперация подомнут под себя все остальные хозяйственные формы и постепенно вытеснят через рынок их до конца, постольку и сам рынок рано или поздно отомрет, ибо все заменится государственно-кооперативным распределением производимых продуктов»³⁴. Есть, конечно, в этой работе и новые повороты, в частности, это касается кооперации и некоторых других тем. Но это можно отнести скорее за счет естественной эволюции взглядов и учета, так сказать, потребностей времени, нежели принципиальных изменений самой концепции социализма. Последняя же и у Бухарина, да и у Троцкого, находилась в полном соответ-

³³ Вопросы истории КПСС, 1991, № 3. С. 53.

³⁴ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 389. Поэтому трудно согласиться с мнением историков Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова, что Бухарин, продолжив в 20-х годах развитие ленинской перемены «всей точки зрения нашей на социализм», в 1929–1930 гг. вернулся к утопическим, донэповским представлениям о социализме (Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. Субъективные заметки по истории советского общества. М., 1992. С. 115). Как видно из приведенной цитаты 1925 года, Бухарин и тогда по большому счету не менял своего взгляда на социализм как безрыночное общество. Вернее и уместнее другое высказывание тех же историков: «В бухаринском наследии мы не находим постановки вопроса о социалистическом рынке, и поэтому вряд ли его можно считать родоначальником идеи рыночного социализма» (Там же, с. 118). Надо бы добавить, что и Ленина точно так же нельзя считать родоначальником рыночного социализма, то есть иной «точки зрения на социализм».

вии с классической марксистской постановкой вопроса о невозможности совмещения социализма и товарного производства.

Совершенно иное впечатление производят работы Троцкого, его политическая позиция и деятельность, направленная против Сталина. В совокупности этих усилий Троцким вырабатывается определенная концепция природы и характера особенностей социально-экономического строя «государственного социализма», присущего СССР. Посмотрим теперь, что же писал Троцкий о нэпе во времена нэпа и несколько позже. Его работы времен нэпа резко отличаются от предыдущего периода и демонстрируют глубокое понимание как существа проблемы, так и необходимости полного учета экономических реалий России того времени.

После 1921 года, с переходом к нэпу, действия и высказывания Троцкого существенно меняются. Страна вступала в другой период и главными становились совсем иные задачи. По большому счету литературные работы Троцкого, посвященные экономическим проблемам периода нэпа, мало чем отличаются в принципиальном отношении от ведущих теоретиков большевизма и, прежде всего, Ленина. Правда, за некоторым исключением.

Троцкий, может быть, более четко, чем другие и особенно Н. Бухарин, понимает границы нэпа, за которыми как он полагал, возможна реставрация капитализма. «Разумеется», – отмечал Троцкий, – «нэп заключает в себе огромную уступку буржуазным отношениям и самой буржуазии. Но размеры этой уступки как раз определяем мы. Мы хозяева. У нас ключ от двери»³⁵. На основе этого часто обвиняют Троцкого в том, что он недооценивал нэп, стремился его побыстрее закончить, придушить. Представляется, что все эти обвинения есть простая отрывка «сталинской школы фальсификаций». Если человек говорит, что с кипятком следует обращаться осторожно, ибо можно ошпариться, то почему же надо считать этого человека принципиальным противником кипятка? Логика хуже детской, мягко говоря! То же и с проблемой «Троцкий и нэп».

Нигде и никогда Троцкий не выступал против нэпа в принципиальном отношении. Более того, известно, что он одним из первых в большевистском руководстве предложил заменить продразверстку налогом (февраль 1920 г.). Это было не случайное и не единичное настроение Троцкого. Еще в декабре 1918 года он, например, пишет такое письмо Ленину: «Все известия с мест свидетельствуют, что чрезвычайный налог крайне возбудил местное население и пагубным образом отражается на формированиях. Таков голос большинства губерний. Ввиду плохого продовольственного положения представлялось бы необходимым действие чрезвычайного налога приостановить или крайне смягчить, по крайней мере в отношении семей мобилизован-

³⁵ Троцкий Л. Основные вопросы пролетарской революции. // Троцкий Л. Д. Соч. Т. XXII. М., (1923). С. 337.

ных»³⁶. Это письмо хорошо отвечает тем историкам, которые упорно талдычат, что Троцкий не любил или недооценивал крестьян.

Можно привести еще один факт на этот счет. На XII съезде партии Троцкий говорил, имея в виду крестьянство: «Ошибка т. Ларина не в том, что он говорит: «налоги в данное время надо повысить на 20 процентов»; это вопрос практический, надо с карандашом подсчитать, до какой точки можно налоги повышать, чтобы крестьянское хозяйство могло повышаться, чтобы крестьянин в будущем году стал богаче, чем в нынешнем»³⁷.

Задержимся на минуту на этом месте. «Чтобы крестьянин ... стал богаче» – это слова Троцкого, сказанные им в докладе на XII съезде партии в апреле 1923 года. Бухарин выдвинул свой знаменитый лозунг «Обогащайтесь!» в 1925 году. Но ведь бухаринский лозунг – это почти дословное повторение положения Троцкого, высказанного им на целых два года раньше. Стало быть, Троцкий явился предшественником так называемых «правых коммунистов», в работах именно Троцкого уже содержалось рациональное зерно «правого уклона». Вот, например, еще одна цитата из Троцкого, которая вполне обличает в нем «правого коммуниста». В 1923 году он писал: «Без свободного рынка крестьянин не находит своего места в хозяйстве, теряет стимул к улучшению и расширению производства. Только мощное развитие государственной промышленности, ее способность обеспечить крестьянина и его хозяйство всем необходимым, подготовит почву для включения крестьянина в общую систему социалистического хозяйства... Но путь к этому лежит через улучшение хозяйства нынешнего крестьянина-собственника. Этого рабочее государство может достигнуть только через рынок, пробуждающий личную заинтересованность мелкого хозяина»³⁸.

Такого рода положения можно встретить у Троцкого после 1921 года почти в каждой работе, посвященной хозяйственному строительству. Этот момент почему-то выпадает из поля зрения исследователей. Они весь свой энтузиазм вкладывают в анализ критики Троцким «правой» линии партии в лице, скажем, Бухарина. Хотя на самом деле Бухарин никогда и никаким «правым» не был. Критика Троцкого была направлена не против рынка как такового, а против бездумного к нему отношения, против стихийности в экономической политике, против самотека.

Есть и прямое высказывание Троцкого по вопросу его отношения к нэпу. В 1927 году он писал: «Более последовательные фальсификаторы пытаются изобразить дело так, будто я был против нэпа. Между тем, неоспоримейшие факты и документы свидетельствуют о том, что я уже в эпоху IX-го съезда не раз поднимал вопрос о не-

³⁶ The Trotsky papers. 1917–1922. Vol. I. The Hague, 1964. P. 218.

³⁷ Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968. С. 322.

³⁸ Троцкий Л. Основные вопросы пролетарской революции // Троцкий Л. Д. Соч. Т. XXII. М., (1923). С. 314.

обходимости перехода от продразверстки к продналогу и, в известных пределах, к товарным формам хозяйственного оборота... Переход к нэпу не только не встретил возражений с моей стороны, но, наоборот, вполне соответствовал всем выводам из моего собственного хозяйственного и административного опыта»³⁹. Кроме того, хорошо известно, что Троцкий резко критиковал сталинистов за удушение нэпа. Но в то же время Троцкий отстаивал сохранение и развитие социалистических элементов в экономике, таких, например, как государственная собственность и народнохозяйственное планирование.

В целом можно сказать, что Троцкий выступал за сбалансированность разных частей экономики: социалистических начал и частнокапиталистических элементов. Об этом свидетельствует, в частности, его замечание относительно характера предприятий (август 1921 г.): «Промышленные предприятия будут, следовательно, в ближайший период разбиты на три группы: государственные, находящиеся в определенных договорных отношениях с государством (производственные кооперативы, государственные управления на договоре и пр.) и сдаваемые в аренду на частнокапиталистических началах»⁴⁰. Таким образом, Троцкий выступал по существу за то, что сегодня называют смешанной экономикой. Пожалуй, лишь с той разницей, что ныне многие теоретики смешанной экономики частнокапиталистические начала хотят «смешивать» не с социалистическими (скажем, с народнохозяйственным планированием), а с частногосударственными элементами.

А теперь приведем несколько цитат Бухарина, то есть фактов. Например, в «Правде» в 1930 г. писал он следующее, имея в виду сталинскую коллективизацию: «Но наиболее отчаянная борьба идет именно в деревне. Здесь быстро и победоносно развивается антикулацкая революция, социально-экономический смысл которой и нужно в первую очередь анализировать»⁴¹. А вот что писал Л. Троцкий примерно в те же годы (1932 г.): «Погоня за рекордами коллективизации, без учета технических, экономических и культурных возможностей сельского хозяйства, привела на самом деле к губительным последствиям. Она убила стимулы мелкого товаропроизводителя, задолго до того, как смогла заменить их другими, более высокими хозяйственными стимулами. Административный нажим, который и в промышленности скоро исчерпывает себя, в сельском хозяйстве оказывается совершенно бессильным»⁴².

Так кто же – Бухарин или Троцкий – был сторонником «левого», а кто «правого» курса? Из приведенных двух цитат становится очевидно, что Троцкий выступает за постепенные преобразования, а Бухарин за революционные. И даже более того.

³⁹ Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 42.

⁴⁰ The Trotsky papers. 1917–1922. Vol. I. The Hague, 1964. P. 218.

⁴¹ Бухарин Н. Избранные произведения. М., 1991. С. 490.

⁴² Троцкий Л. Советское хозяйство в опасности! (Перед второй пятилеткой) // Бюллетень оппозиции, 1932, № 31. С. 6.

Чтобы совсем убедить читателя, приведем и такую фразу из той же статьи Бухарина: «Саботаж со стороны кулачества перешел в бешенное сопротивление социалистической реконструкции. Кулак зверски дерется, и с ним в таких случаях нужно разговаривать языком свинца»⁴³. И это сказано в 1930 г. на 14-м году советской власти! Сказано милейшим Николаем Ивановичем Бухариным! Чем же все это отличается от действий Сталина?

Более того, указывают и на такой факт. Когда авантюристическая линия Сталина на сплошную коллективизацию до марта 1930 г. взбудоражила всю страну и деревню прежде всего, когда появилась реальная возможность «правым» во главе с Бухариным переломить настроение в партии или хотя бы сделать такую попытку, Бухарин абсолютно ничего не предпринимает. В этой связи А. Авторханов замечает: «Власть Сталина, которая с осени 1929 года до поздней весны 1930 года переживала глубочайший кризис, была спасена не мудростью сталинцев, а доктринерством бухаринцев»⁴⁴. Конечно, это, возможно, преувеличение автора. Бухарин уже мало что мог изменить в то время, остановить Сталина и перерождение партии он был не в силах. Но какие-то попытки к сопротивлению, к разумности он бы мог делать. Ведь многие представители «левой оппозиции» сопротивлялись сталинскому произволу, даже будучи уже в ссылках и лагерях. Бухарин же в этом отношении ничего не делал.

Бухарин и Преображенский: полемика

Итак, после 1921 г. стало ясно, что сразу и непосредственно именно социалистические преобразования проводить невозможно в экономически и культурно отсталой стране. Прежде всего необходимо было обеспечить ее экономическое развитие, т. е. развитие промышленности, насыщение аграрного сектора экономики машинами, проведение индустриализации и, следовательно, урбанизации. Ничего социалистического в этих требованиях не было. Таким путем шли все основные европейские страны, вступившие на дорогу капитализма на 100–150 лет раньше России. Таким образом, объективная необходимость состояла в том, что неизбежно приходилось развивать по существу буржуазные отношения. В этом и заключалась великая загадка России XX века, или, по более точному выражению А. Бузгалина, «ловушка XX века». Суть ее состоит в том, что у власти в стране находилась марксистская, пролетарская партия, которая стремилась создать социалистическое общество. Однако объективная реальность состояла в том, что надо было развивать крупную машинную индустрию и на ее основе создавать экономически независимое, самостоятельное и самодостаточное национальное государство. То есть, по сути, развивать капитализм.

⁴³ Бухарин Н. Избранные произведения. М., 1991. С. 490.

⁴⁴ Авторханов А. Технология власти. М., 1991. С. 227.

Это весьма важный момент, на который в последнее время стали обращать внимание наиболее глубокие исследователи. Так, Б. Ф. Славин пишет: «Ленин приходит к парадоксальной на первый взгляд идее – победе над капитализмом с помощью капитализма». И цитирует Ленина, где тот говорит, что надо сделать так, «чтобы их руками работать на нас»⁴⁵. Ленин понимает, хотя и говорит более осторожно, чем Славин, что в отсталой стране, прежде чем переходить к строительству социализма, нужно иметь некоторый уровень развития капитализма. То есть, по необходимости надо строить капитализм. Но ведь, сколько ни корми жирную свинью, из нее не вырастет белый лебедь. Формула «победа над капитализмом с помощью капитализма» возвращает нас к старому спору народников и марксистов XIX века. Народники посмеивались над марксистами, говоря, что те хотят прийти к социалистическому обществу путем всестороннего и продолжительного развития капитализма. Марксисты, таким образом, оказывались в двусмысленном положении: будучи социалистами, боролись за развитие капитализма. Однако эта проблема стала как практическая задача уже в пореволюционной России.

Нэп как раз и был той политикой или конструкцией, где скрестились эти различные желания, намерения и практические возможности. Лидеры партии большевиков думали одно, но на практике получалось другое. Адекватная трактовка практики тотчас объявлялась происками врагов революции (сначала меньшевиков и эсеров, затем троцкистов, потом бухаринцев). Но эта конструкция из противоречивых элементов породила очень интересные и глубокие, по крайней мере для начала и середины 1920-х годов, теоретические дискуссии, уроки которых до сих пор плохо освоены нашей наукой.

После перехода к нэпу и ясности, что эта политика пришла «всерьез и надолго», но, тем не менее, не навсегда, встал вопрос о путях развития советской экономики. Развиваться ли на базе товарного производства и рыночных начал, ибо подавляющее число производителей были крестьяне, т.е. частные производители, и они, в конечном счете, определяли общий темп и тонус экономического развития. Или же, переступая через рыночные начала, форсировать развитие промышленности вообще, тяжелой в особенности, для обеспечения безопасности молодой советской республики и строительства социализма. Большинство большевистских идеологов прекрасно понимало, что только создание крупной промышленности может заложить прочную основу для социалистического общества. Такова была общая схема экономического развития, в рамках которой надлежало выбрать оптимальный путь.

Соответственно этим двум вариантам сложились и две основные группы идеологов. Идеологию первой группы, которая во главу угла ставила рынок и товарные начала, можно обозначить как идеологию самотека, постепенного развития экономики

⁴⁵ Славин Б. Ф. Ленин против Сталина. Последний бой революционера. М., 2010. С. 9.

через развитие сначала товарного крестьянского хозяйства, затем легкой промышленности, затем машиностроения для легкой промышленности, потом тяжелой промышленности. Несомненным лидером этой идеологии в середине 1920-х был Н. И. Бухарин. Идеология второй группы состояла в отрицании политики самотека, в проведении активной государственной политики индустриализации и государственного планирования и в поиске оптимальной стратегии. Предлагался тщательный экономический расчет возможности накопления капитала для индустриального развития прежде всего. Политическим лидером этого направления был Л. Д. Троцкий, а экономическим идеологом можно назвать Е. А. Преображенского.

Отметим сразу, что это не правое и левое в большевизме, хотя в традициях исторической литературы обычно Бухарина относят к правым, а Преображенского (как троцкиста) к левым. Как уже говорилось, это очень неточный подход. Скажем, Преображенского скорее следует относить к центристам, чем к левым. У него всегда были левые оппоненты, с которыми он часто полемизировал (например, Ю. Ларин). Да и в полемике с Бухариным Преображенский в начале 20-х критиковал его именно за левизну. Так, в рецензии на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» Преображенский писал в газете «Правда» в августе 1920 г.: «Сказать, что понятие ценности «менее всего пригодно в переходный период», значит, немного увлечься. Рановато говорить и о крахе денежной системы»⁴⁶. И это писал «троцкист» Е. А. Преображенский в разгар «военного коммунизма», когда многие большевистские руководители серьезно обсуждали проблемы ликвидации денег и денежного хозяйства.

Пolemика между Преображенским и Бухариным, которая с особой силой разгорелась в середине 1920-х, представляет не только особый интерес, но и дает представление о существовавших тогда идейных альтернативах социально-экономического развития.

Общее понимание основной проблемы послереволюционного развития у Бухарина и Преображенского было в целом одинаковое. Бухарин еще в 1921 г. так определял «основное противоречие всей революции»: «На очередь стали проблемы хозяйства, развития производительных сил, мыслимого по отношению к сельскому хозяйству лишь в форме роста *мелкобуржуазного* хозяйства. Правильное соотношение между пролетариатом и крестьянством в экономике, т. е. такое соотношение, которое давало бы простор развитию производительных сил, стало в порядок дня со всей остротой». И несколько дальше: «В этом росте непролетарских, буржуазных, капиталистических форм таится большая опасность. И здесь заложено точно так же объективное противоречие нашего «текущего момента». С одной стороны, мы заинтересо-

⁴⁶ Преображенский Е. О новой книжке Н. И. Бухарина. Правда, 1920, 15 августа // Преображенский Е. А. Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М., 2006. С. 363.

ваны в том, чтобы увеличить дополнительное количество продуктов, а это можно сделать лишь в виде усиления буржуазных тенденций развития; с другой – именно это усиление представляет опасность для коммунизма, опасность, так сказать, с другого конца, с точки зрения конкуренции хозяйственных форм»⁴⁷. Надо сказать, что к середине 1920-х годов Бухарин эту «опасность для коммунизма» уже не видел. Приведем в пример следующее его высказывание 1925 года: «Наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком направлении, чтобы раздвигались, а отчасти и уничтожались многие ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства. Крестьянам, всем крестьянам, надо сказать: обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут»⁴⁸. Преображенский же и в 1925 г. продолжал держаться более осмотрительной и реалистичной позиции: «Социалистическая форма хозяйства не может существовать в окружении частного товарного производства на основе мирного сожительства... Само существование этих двух систем, хотя и включенных в систему единого хозяйства страны, неизбежно приводит к тому, что либо социалистическое производство будет подчинять себе мелкобуржуазное хозяйство в одной части, приспособлять в другой и поглощать в третьей, либо само будет рассосано стихией товарного хозяйства»⁴⁹.

Вообще говоря, очень разумная и грамотная позиция большевика, который не отказывался от создания социалистического общества, но хорошо понимал реальное положение вещей. Эта дихотомия между рынком и планом была свойственна советской экономике на протяжении всей ее истории. Иногда удавалось балансировать эти противоположные начала, чаще – централизованный план подминал рынок (в период индустриализации, войны и восстановления народного хозяйства), но теоретическое осмысление этой проблемы, начатое Преображенским, так и не вылилось во что-то завершенное. И сегодня приходится возвращаться назад, в 20-е годы прошлого века.

Бухарин в середине 1920-х главную проблему видел в сфере обращения, т. е. в регулировании пропорций между промышленностью и сельских хозяйством через цены, денежную и кредитную политику. Странники «левой оппозиции», в частности Преображенский, упор делали на план и производство. «ЦК шел, таким образом, от обращения (деньги, цены, торговля) к производству, оппозиция... от производства (рациональный план) к обращению», – писал Бухарин в 1925 г.⁵⁰ Позиция самого Преображенского была более сложной и тонкой. Преображенский предлагал «продумать законы развития государственного хозяйства»: «нужен холодный анализ того, на чем мы стоим, ради чего идем на компромиссы и каковы пределы наших усту-

⁴⁷ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 241, 244.

⁴⁸ Бухарин Н. Новые задачи нашей крестьянской политики // Правда, 1924, 24 апр. Цит. по: Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992, с. 162.

⁴⁹ Преображенский Е. А. Еще раз о социалистическом накоплении // Вестник Коммунистической академии, 1925, кн. XI. С. 229.

пок»⁵¹. Надо сказать, что «позиция ЦК», как ее излагал Бухарин, т. е. сугубо правая экономическая стратегия, была характерна для ЦК до конца 1925 г., т. е. до XIV съезда партии. На съезде был взят курс на «социалистическую индустриализацию страны» и был осуществлен резкий поворот от рыночных начал, за которые ратовал Бухарин, к жестко централизованному управлению хозяйством. В каком-то смысле этот курс совпал с предложениями «левой оппозиции», но осуществлялся столь грубо и непрофессионально, что стал предметом критики и со стороны оппозиции. Тонкие и сложные подходы Преображенского в целом были отброшены.

Основная и наиболее интересная часть дискуссии началась раньше этого периода. Обвинения оппозиции и, в частности, Преображенского в том, что они предлагали обложить крестьянское хозяйство непомерными налогами, являются чистейшим вымыслом. Он писал, что тезис Бухарина «насчет того, что я, якобы, предлагаю резать курицу, несущую золотые яйца для нашей госпромышленности... – находится в вопиющем противоречии с текстом моей работы». Вот общая формула Преображенского: «Наша задача... заключается не в том, чтобы брать меньше, чем брал капитализм, а брать больше из еще более возросшего дохода»⁵².

Преображенский и «левая оппозиция» предупреждали, что развитие экономики путем самотека рано или поздно приведет к необходимости вводить чрезвычайные меры в экономическом регулировании. Это и случилось в конце 1920-х годов. Интересно мнение ведущих деятелей левой оппозиции по вопросу так называемого кризиса хлебозаготовок 1928 года.

Преображенский в циркулярном письме из ссылки писал, что в основе этого кризиса лежат «два коренных факта»: отставание промышленности от сельского хозяйства и обострение противоречия между государственным хозяйством и капиталистическим развитием, которое, по мнению Преображенского, выражалось в «растущем сосредоточении сырьевых и хлебных ресурсов» в руках кулачества. Он видел два рода политики в решении этой проблемы: а) «политика постепенного, на ряд лет рассчитанного выхода из кризиса на основе борьбы с кулачеством и на основе поднятия товарности хозяйства середняков и бедноты» и б) «политика решительного и громогласного отказа на будущее время от всего содеянного в январе-марте и от левого курса вообще, попытка опираться в развитии сырьевой базы и экспортных ресурсов на все более окулачивающиеся слои деревни, развивающие товарность»⁵³.

⁵⁰ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 309.

⁵¹ Преображенский Е. А. Еще раз о социалистическом накоплении // Вестник Коммунистической академии, 1925, кн. XI. С. 256.

⁵² Там же. С. 246, 247.

⁵³ Преображенский Е. А. Левый курс в деревне и перспективы // Архив Троцкого. Т. 2. Харьков: Око, 2001. С. 64–65.

Далее Преображенский тщательно анализирует преимущества и недостатки («ахиллесовые пяты») каждого пути. Левый курс, к которому склонялся Преображенский и другие оппозиционеры, имел тот недостаток, что рост производства бедноты и части середняков пойдет в значительной доле не на увеличение товарного, рыночного фонда, а на увеличение натурального накопления и потребления в этой части маломощных хозяйств. Такое положение, пишет далее Преображенский, может «не раз и не два» потребовать возвращения к чрезвычайным мерам, что, в конечном счете «заставит хозяйственно «заскучать» крепкого середняка и может вызвать более опасный недосев со стороны этого слоя». Правый курс в деревне ведет к увеличению хлебных цен, отмене всяких ограничений для кулацких хозяйств, «которые способны бороться за свои интересы хлебно-сырьевой стачкой». Рост цен на хлеб поведет к увеличению нажима на рабочий класс и замедлению темпа индустриализации страны. И далее: «Естественным завершением этого курса явилась бы реабилитация кулака и признание его полезным работником в системе советского хозяйства»⁵⁴. Этим, конечно, не исчерпывались вопросы левого курса и «левой оппозиции». Но это было очень характерно. Сказывалась боязнь скатиться в капитализм. А это в конце концов отодвинуло бы социалистическое строительство на неопределенно долгий срок. Правящая партия вынуждена была бы регулярно прибегать к чрезвычайным мерам воздействия на крестьянство. Линия Преображенского состояла в постепенном и последовательном накоплении средств для индустриализации за счет богатейших слоев деревни и с опорой на бедняцко-середняцкие слои. Но при этом почему-то Преображенский забывал или не додумывал, что «подъем бедняцко-середняцкой деревни», за что выступала левая оппозиция, неминуемо вел к выделению нового слоя зажиточных крестьян, т. е. новых кулаков.

В общем, ситуация была сложная. Естественно, левая оппозиция выступала за левый курс в деревне, который, по их мнению, мог предотвратить повтор чрезвычайных мер («январско-мартовские мероприятия») и дать возможность хорошего темпа экономического развития, в том числе и развития индустриализации. При этом очень важно отметить, что Преображенский специально подчеркивал, что у середняцко-бедняцких слоев деревни хлеб «можно брать только экономическими средствами, только товарообменом»⁵⁵. Однако сталинское руководство партии не стало разбираться в тонкостях экономического инструментария «левой оппозиции» (и прежде всего Преображенского). Был выбран самый жесткий, самый драконовский, а потому, видимо, самый простой метод изъятия средств для индустриализации – силовое воздействие. От этого пострадало не только крестьянство, но рабочий класс, на долгие годы оказавшийся на минимальном уровне благосостояния.

⁵⁴ Там же. С. 65–66.

⁵⁵ Там же. С. 66.

Итак, в чем актуальность подхода Преображенского сегодня? В том, что он предлагал развитие не самотеком, куда кривая рыночной экономики сама вывезет, а на основе точного расчета экономических пропорций между различными отраслями народного хозяйства, между производством и потреблением, наконец, между различными классами общества. Он разрабатывал модель экономического развития, которую сегодня в экономической теории называют «точная настройка», что означает государственные меры фискального и кредитно-денежного регулирования, направленные на ликвидацию отклонений совокупного спроса от целевой траектории экономического роста⁵⁶. Но в условиях 1920-х не было возможности для точных расчетов. Кривая экономического развития вывезла в жесткий режим централизованного управления. Выбор лучшей альтернативы экономической стратегии не осуществился. Или, скажем точнее, была навязана самая простая, а потому грубая и жесткая стратегия.

По сути дела, сегодня перед страной стоит та же проблема выбора. Сегодня Россия переходит (или стремится перейти) к стабильному развитию в условиях рыночной экономики, погружается в стихию рыночных, товарно-денежных отношений и, стало быть, упирается в следующую фундаментальную проблему. Должна ли Россия продолжать спокойное и спонтанное развитие, равномерно плыть по волнам рыночной стихии, надеясь, что кривая рыночного саморазвития выведет туда, куда надо? Или же российский корабль экономики, погрузившись в океан рыночной стихии, должен иметь четкий курс и твердо его держаться, подчиняясь жесткой государственной руке «капитана»? Нужен ли России и возможен ли резкий поворот в сторону четко поставленной, «амбициозной» цели?

Ведь как не крути, а вопрос этот составляет довольно существенную проблему. С одной стороны, если Россия будет спокойно и эволюционно развиваться в лоне стихийной рыночной экономики, развиваться самотеком по Бухарину, то есть ли у нее шанс стать вровень с самыми экономически развитыми странами, занять достойное место на мировом рынке, где все уже давно захвачено и поделено? С другой стороны, если Россия мобилизуется и осуществит резкий поворот в своей экономической политике, отодвинет рыночные ценности на второй или третий план, то сможет ли она сохраниться как демократическое и стабильное государство, предоставляющее всем достаточные стимулы для развития и процветания? Это две реальные альтернативы экономической политики (эволюционная и мобилизационная), которые и ныне стоят перед руководством страны. Действительно, возможен ли «сам собой» переход страны на инновационный путь развития как спокойная эволюция, или же для этого требуется мобилизация всех живых сил на «структурный поворот»? Известно, что в

⁵⁶ См.: Бэйтор Ф. М. Точная настройка // Экономическая теория. Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2004. С. 350.

середине 20-х годов прошлого века была выбрана мобилизационная стратегия (альтернатива), которая и осуществлялась почти весь советский период.

Дискуссия в экономической науке между этими двумя альтернативами в 20-х годах прошлого века велась в разных терминах. В начале 20-х годов – между финансовым и производственным подходом, в середине 20-х годов – между равновесным и плановым подходом, в конце – между генетическим и телеологическим подходом. Отголоски этой дискуссии в тех или иных терминах и формах можно обнаружить в истории советской экономической мысли всего периода существования СССР. Например, по поводу соотношения плана и рынка в 60-х годах прошлого века. К сожалению, до сего дня эта макродискуссия в нашей литературе освещена слабо или, лучше сказать, односторонне. Поэтому приходится еще раз наткнуться на те же самые грабли. Действительно, нужен ли поворот в социально-экономической стратегии развития, – назовем его «структурный поворот», – и в чем состоит теория такого поворота? Вот вопросы, на которые четкого ответа в отечественной экономической науке пока еще нет.

Многие экономисты, справедливо констатируя, что с 1999 г. в России начался определенный устойчивый рост экономики, в то же время указывают на однобокость, формальность этого роста, на отсутствие признаков глубинных, качественных изменений. Все дело свелось, так сказать, к «росту без развития». Так, академик Д. С. Львов признавал: «Стоит только перевести разговор из институциональной плоскости в плоскость содержательного анализа, как тут же обнаруживается, что нынешняя экономика России по многим важным для развития страны направлениям уступает дореформенным аналогам: по темпам экономического роста, качеству отраслевой структуры, эффективности используемого производственного аппарата, уровню заработной платы и дифференциации доходов населения, эффективности и качеству государственного управления, уровню социально-политической стабильности, масштабам криминализации и коррупции в экономике и во всей общественной жизни»⁵⁷. Так что позитивная динамика некоторых макроэкономических показателей последнего времени не вселяет оптимизма отечественным экономистам.

Итак, как же развиваться дальше? Сохраняя нынешние темпы экономического роста, просто наращивать объемы экспортных производств, без глубинной трансформации структуры народного хозяйства, или же выбрать иной сценарий развития? Этот вопрос достаточно четко поставил директор Института экономики РАН Р. С. Гринберг: «В таких условиях возможна реализация двух экономических сценариев. Первый – продолжение сложившихся трендов качественного застоя («рост без развития») с перспективой дальнейшей утраты национальной конкурентоспособности. Второй – государство берет на себя функции субъекта целенаправленной и ди-

⁵⁷ Львов Д. С. Россия: рамки реальности и контуры будущего // Журнал экономической теории, 2007, № 1. С. 5.

намичной структурной модернизации...». После некоторого анализа Р. С. Гринберг приходит к выводу о необходимости «структурного поворота» в социально-экономической стратегии развития России. «Таким образом», – пишет автор, – «эффективная структурная и промышленная политика для современной России должна стать тем инструментом, при помощи которого могут быть преодолены сложившиеся структурные проблемы, усугубившиеся в результате бессистемной либерализации 90-х гг.»⁵⁸. Думается, действительно, без резкого «структурного поворота» страна сама собой не сможет перейти на инновационный путь развития.

Но чтобы вырваться из сегодняшней отсталости, нужен резкий рывок вперед, «структурный поворот». Нужен резкий поворот в сторону развития всей интеллектуальной сферы: науки, образования, культуры, что составляет базис инновационного типа развития. Но сказать, что нужен рывок или поворот в социально-экономической стратегии – мало. Нужно разработать теорию такого структурного поворота. Надо понять, за счет чего будет происходить поворот, его последствия, продолжительность, этапы, основные элементы и многое другое. Прочитируем еще раз Преображенского: «нужен холодный анализ того, на чем мы стоим, ради чего идем на компромиссы и каковы пределы наших уступок». Нужна теоретическая модель такого поворота. В конце 1920-х годов такой поворот в России был осуществлен, удалось создать мощную индустриальную державу. Но теории такого модернизационного поворота тогда создано не было, и издержки его оказались чрезмерными. Примечательны в этом смысле слова зам. главы администрации президента РФ В. Ю. Суркова: «У нас задача по масштабам такая же, извиняюсь за отсылку к большевикам, как была перед ними: они создавали новый тип экономики в России, и нам это нужно тоже. Не хотел бы только, чтобы мы это делали теми же способами, что и они»⁵⁹. Но пока теории такого «структурного поворота» к инновационной модернизации, как и тогда, нет.

⁵⁸ Гринберг Р. Есть ли несырьевое будущее у России? // Вестник Института экономики РАН, 2008, № 1. С. 17, 22.

⁵⁹ Демократия для России – Россия для демократии. М.: ИФ РАН, 2008. С. 67.